

Юхан Теорин

МЁРТВАЯ ЗЫБЬ

Москва, 2017

УДК 82-31
ББК 84(4Шве)6-44
T33

Перевод со шведского С. В. Штерна

Теорин, Ю.
T33 Мёртвая зыбь / Ю. Теорин ; [пер. со шв. С. В. Штерна]. – М. :
T8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 382 с.

ISBN 978-5-519-60863-3

Самые запутанные преступления часто случаются в тихих деревушках. Однажды на остров Эланд опустился густой туман. Именно в этот день маленький мальчик Йенс Давидссон вышел погулять и больше никто его не видел, как и человека в пальто, который, по сведениям полиции, умер задолго до этих событий...

Роман Юхана Теорина «Мёртвая зыбь» написан в лучших традициях Агаты Кристи, был переведён на много иностранных языков и произвёл неизгладимое впечатление на читателей во всём мире.

УДК 82-31
ББК 84(4Шве)6-44
BIC FH
BISAC FIC022000

ISBN 978-5-519-60863-3

© T8RUGRAM, оформление, 2017
© Johan Theorin, 2007
© Штерн С. В., перевод, 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

Герлофссонам — моим родственникам с Эландса

Эланд, сентябрь 1972 года

Вот и стена. Даже и не стена, а невысокая, чуть больше метра, из-городь, сложенная из поросших зеленовато-белесым лишайником камней. Но для мальчика это самая настоящая стена — чтобы за нее заглянуть, надо приподняться на цыпочки, а еще лучше — подпрыгнуть. Сейчас-то там, за стеной, густой молочный туман, ничего не видно, и можно подумать, что стена — край света. Ничего подобного. Он уже знает, что на самом деле все наоборот: за стеной мир только начинается. Большой мир за бабушкиным садом. Все лето мальчик строил планы — как бы заглянуть в этот мир. Узнать, наконец, какой он.

Дважды пытался перелезть через стену, но руки соскальзывали с камней, и он падал в мокрую траву.

Главное — не сдаваться.

И на этот раз он добился своего. Поставил ногу в еще вчера высмотренную щель, подтянулся и сел на холодные камни.

Наконец-то! Ему скоро исполнится шесть лет, а он еще ни разу не был за стеной.

А теперь сидит на ней, как король на троне.

Мир за стеной почти неразличим и оттого кажется еще больше. Утром светило солнце, а после обеда на остров опустился густой туман. Пожухлая трава у стены, чуть подальше — расплывчатые ломанные контуры кустов можжевельника, несколько замшелых, почти ушедших в землю камней, — вот и все, что он видит. Похоже на бабушкин сад, но не совсем. Здесь, за стеной, все куда более дикое, волнующее и манящее.

МЁРТВАЯ ЗЫБЬ

Он лег животом на стену, осторожно поставил правую ногу на большей камень и спустился на землю. Никогда раньше он не бывал здесь без взрослых. Мама уехала по делам, дед пошел на берег. Мальчик дождался, пока уснет бабушка, надел сандалии и выскользнул из дома.

Полная свобода — можно делать все что хочешь. И, главное, никто не знает, где он. Настоящее приключение.

Мальчик нерешительно отнял руку от стены и сделал несколько шагов по редкой, уже мертвой траве. Дома, в саду, тоже лежала пелена тумана, но там все знакомо и не страшно, а здесь эти кусты... они похожи на нелепо изогнутые человеческие фигуры. Надо победить страх и подойти поближе.

Земля под ногами мягкая и податливая, и эта странная тишина... Мальчик подпрыгнул и приземлился — почти беззвучно. Туман поглощал звуки, как вата. Он приподнял ногу — примятая трава тут же распрямилась. Ему понравилось прыгать — прыг-скок, прыг-скок. Беззвучно и красиво. Он допрыгал до ближайшего можжевелового куста, остановился, глубоко вдохнул пропитанный знобкой влагой воздух и огляделся. Стена еле различима в тумане, а их темно-красный дом вообще не виден. Вот это да!

Пора возвращаться. Назад по лужайке, перелезть через стену — и дома. Часов у него нет, а если бы и были... он еще не понимал значения и смысла времени. Но небо начало темнеть, к тому же становилось холодно. Дело к ночи, как говорит дедушка.

Еще немного вперед. Он же знает, где дом — у него за спиной. Его сейчас не видно, но он там. И бабушка наверняка еще не проснулась. Плотная пелена тумана прямо перед ним, в нескольких шагах — кажется, ее можно потрогать. Но каждый раз, как он делает шаг вперед, происходит маленькое чудо — туман, словно заигрывая с ним, отодвигается немного, не дается в руки. Как привидение, которое он недавно видел в мультфильме. Один раз ему все же удается ухватить пригоршню тумана — ничего особенного. Холодный и липкий.

Мальчик остановился и затаил дыхание.

Тишина. Тени кустов застыли в той же позе, что и несколько минут назад, но мальчику кажется, что он не один.

Какой-то звук?

Мальчик быстро обернулся игляделся — теперь и стену не видно. Только трава под ногами и размытые контуры можжевеловых кустов. Кусты не шевелятся, он знает, что кусты не живые... нет, наверное, все же живые, но по-другому, не такие живые, как он сам... но очень уж большие и страшные. Темные неподвижные фигуры... Ему показалось, что кусты его окружают. Отвернешься — делают шаг вперед, а стоит ему посмотреть, опять замирают.

Чуть поодаль торчат и другие кусты, он раньше их не видел. И больше ничего. Кусты и туман.

Мальчик уже не знал, куда идти. Ему стало очень страшно, и он побежал. Где же стена? Стены нет. Только рыжая остролистая трава и страшные кусты. Теперь он вообще ничего не видит — глаза застилают слезы.

Он резко остановился — у одного из кустов два ствола. Как это? Такого он никогда не видел. Куст зашевелился, и только теперь мальчик понял: это не куст. Это человек.

Он словно возник из тумана и остановился в десяти шагах от мальчика. Огромный, в черной куртке. Расставил ноги в тяжелых сапогах и смотрит. Черная шапочка надвинута на лоб. Незнакомый дядька. Старый. Но не такой старый, как дедушка.

Мальчик замер. С незнакомыми надо держать ухо востро, говорит мама. Но теперь он не один. Не так страшно. А в случае чего можно повернуться и убежать.

— Привет, — тихо сказал незнакомец. Он тяжело дышит — наверное, быстро бежал. Или надышался тумана. В тумане трудно дышать.

Мальчик не ответил.

Незнакомец быстро огляделся, потом снова посмотрел на мальчика и спросил:

— Ты сам сюда пришел?

Мальчик молча кивнул.

— Заблудился?

— Да-а...

— Ничего страшного... Здесь, в альваре, я найду все что хочешь.

С закрытыми глазами. — Он шагнул к мальчику. — Как тебя зовут?

— Йенс.

— А дальше?

— Йенс Давидссон.

— Вот и хорошо... а меня зовут Нильс.

— А дальше? — тоже спросил мальчик. На всякий случай.

Незнакомец коротко рассмеялся:

— Меня зовут Нильс Кант.

Йенс перестал оглядываться. Трава, камни, кусты — больше ничего интересного в тумане нет. И чужой дяденька, Нильс Кант. Улыбается, словно бы они уже подружились.

Туман, кажется, стутился еще больше. Ни звука. Даже пения птиц не слышно.

— Не бойся, — сказал Нильс Кант и протянул ему руку.

Теперь они стоят совсем рядом.

Таких больших рук, как у Нильса Канта, Йенс никогда не видел. Чеснок уж большие руки, но бежать уже поздно.

1

Поздно вечером в октябре позвонил отец, впервые чуть ли не за год, и Юлии тут же представились белые кости, выброшенные волнами на каменистый берег.

Кости, белые, отшлифованные водой до перламутрового блеска, они фосфоресцируют на сером ракушечнике у самой линии прибоя.

Кости...

Эти кости снятся ей уже больше двадцати лет.

* * *

В это же утро она долго разговаривала со страховой кассой. Разговор получился неприятным. А каким еще он мог получиться? Этой осенью, да и вообще в этом году ей не удавалось ровным счетом ничего.

Как всегда, тянула до последнего. Не хотела слышать эти притворные соболезнования и фальшивые вздохи, но откладывать больше нельзя. Механический женский голос потребовал набрать персональный номер. Боясь ошибиться, она медленно нажала нужные десять цифр и очутилась в лабиринте каких-то неведомых коммутаторов, перебрасывающих разговор из одного пустого места в другое. Она долго ждала, смотрела в кухонное окно и прислушивалась к шуму в трубке, напоминающему журчанье далекого ручья. А если прижать трубку поплотнее, слышно эхо голосов неведомых духов... глухие шепоты, потом отчаянные, тоскливые, словно умоляющие вскрики. Призрачный мир бесконечных телефонных сетей... но голоса-то ей знакомы. Эти же голоса она различает и в шуме кухонного вентилятора, когда выходит в кухню покурить. Гулкие пустоты вентиляционных шахт искажают звук, слов ей никогда различить не удается. Впрочем, один раз все же услышала женский голос. «Да, теперь и в самом деле пора» — вот что было сказано. Громко и отчетливо. Но и все. Один раз, и никогда больше.

Ее запрос по-прежнему блуждал где-то в виртуальных катакомбах телефонной сети. За окном холодно, дует сильный ветер. Желтые бересковые листья отрываются от мокрой мостовой и порхают, как бабочки в воздухе. Обочины у тротуаров забиты бурой кашей — это тоже листья, но их перемололи шины, им уже никогда не оторваться от земли.

А вдруг из-за угла сейчас покажется знакомое лицо? Вот же он! Йенс... как он одет! Темный пиджак, галстук... настоящий юрист! Аккуратная стрижка, портфель в руке. Гордо посаженная голова, спортивный шаг. Сейчас он, конечно, заметит ее в окне, помашет рукой и улыбнется...

Шум в трубке внезапно прекратился, и после короткой паузы она услышала напряженный женский голос:

— Страховая касса, Инга.

Последнее время ее дело вела Магдалена. Или Мадлен? Какая разница, все равно Юлия никогда ее не видела.

Она глубоко вдохнула.

— Это Юлия Давидссон, не могли бы вы...

— Персональный номер.

— Я только что...

— У меня он не появился. Не могли бы вы еще раз...

Юлия назвала цифры, и все затихло. Даже обычного телефонного шороха не слышно. Может, она им так надоела, что ее отключили нарочно?

— Юлия Давидссон? — спросила чиновница, будто не слышала, что Юлия назвала свое имя в самом начале разговора. — Чем я могу быть вам полезна?

— Мне бы хотелось продлить...

— Что продлить?

— Больничный лист.

— А где вы работаете?

— В Восточной больнице, ортопедическое отделение. Медсестра.

Медсестра? В последние годы она работала так мало, что вряд ли кто в отделении помнил о ее существовании. И сама она вовсе не скучала по больным — это бесконечное нытье по поводу своих ничтожных болячек... знали бы они, что такое настоящее несчастье.

— У вас есть врачебное заключение?

— Да.

— Когда вы были у врача? Сегодня?

— Нет... в среду. У психиатра.

— А почему сразу не позвонили?

— Я очень плохо себя чувствовала после посещения, — сказала Юлия.